

АНГЕЛИНА МИХАЙЛОВНА ДУНДУКОВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
gelya@onego.ru

ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА СЕМЕНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
olsemenova@bk.ru

ПРИЧАСТИЯ В «ИЗБРАННЫХ СКАЗКАХ Ф. Н. СВИНЬИНА» (к вопросу об идиолекте в фольклорном тексте)*

Статья продолжает и дополняет исследование языковых особенностей «Избранных сказок» Ф. Н. Свинына, впервые вышедших в свет в 2016 году и поэтому еще практически не изученных. В работе анализируется влияние «книжной» традиции на формирование идиолекта поморского сказителя, причем впервые предметом изучения становятся причастные формы, активно употребляемые Свиныным, но в целом не характерные для текстов устного народного творчества и поэтому не освещенные в работах лингвофольклористов. Представлен богатый языковой материал, в том числе случаи субстантивации и адъективации причастий, а также включения их в состав фразеологических оборотов. Доказывается, что неповторимый авторский почерк носителя богатейшей сказочной традиции формируется в результате объединения в произведениях фольклорного канонического материала и книжных источников. Материалы исследования показывают, что сказки Ф. Н. Свинына можно рассматривать как пример перехода от фольклорной сказки к сказке литературной, что проявляется не только на уровне поэтики, но и на языковом – грамматическом – уровне.

Ключевые слова: Беломорье, Ф. Н. Свинын, беломорские сказки, причастие, идиолект

Для цитирования: Дундукова А. М., Семенова О. В. Причастия в «Избранных сказках Ф. Н. Свинына» (к вопросу об идиолекте в фольклорном тексте) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 30–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.536

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящей работы обусловлена уникальностью использования причастных форм в сказках Ф. Н. Свинына. Причастия как принадлежность исключительно книжной речи практически не встречаются в языке устного народного творчества, поэтому специальные работы, посвященные функционированию причастий в фольклорном тексте, отсутствуют. Этот факт определяет также новизну исследования.

Целью работы являются анализ одной из грамматических особенностей языка сказок Ф. Н. Свинына – употребления в них причастных форм – и доказательство того, что тексты этого сказителя испытывают влияние художественной литературы не только на поэтическом, но и на собственно языковом – грамматическом уровне.

Традиционные подходы к анализу фольклорного текста, такие как работа со всем корпусом

устнопоэтических текстов (выявление общих особенностей и закономерностей развития языка народных произведений) или анализ текстов какого-то одного определенного фольклорного жанра (выявление его формально-языковой специфики, типологически сходных признаков с другими жанрами УНТ, разграничение варианного и инвариантного как внутри жанра, так и между жанрами) [13], не всегда позволяют исследователю добиться поставленной цели. Иногда более продуктивным становится изучение языка определенного исполнителя фольклорных текстов, анализ индивидуальной сказительской манеры – идиолекта. Такое исследование, являясь элементом актуального и перспективного направления современного языкоzнания – антропологической лингвистики, представляется очень важным для изучения как традиционной народной культуры в целом, так и языка фольклора в частности, о чем свидетельствует растущее

число научных работ, посвященных проблеме идиолекта в произведениях устного народного творчества¹.

Язык сказок Федора Николаевича Свиринина – помора, жителя села Сумский Посад Беломорского (ранее Сорокского) района Карелии – почти не изучен: тексты, записанные от этого сказителя в 30–40-е годы XX века, впервые частично (13 из 60 сказок) были изданы лишь в 2016 году². Его сказки, биография, творческое наследие изучались лишь учеными-фольклористами [9]. М. К. Азадовский называл Свиринина не только сказочником-книжником, но и сказочником-сочинителем, мастерски объединившим в своем наследии фольклорный канонический материал и книжные источники [8]. Действительно, книжная традиция оказала на Федора Николаевича значительное влияние. Несмотря на то что в репертуаре Свиринина, который начал сказительствовать уже в детстве, большую часть составляют тексты, известные ему из устной передачи, хорошая память и множество прочитанных книг не могли не отразиться на поэтике и особенностях языка записанных от Федора Николаевича сказок. Мы уже писали о такой явно «книжной» черте идиолекта Свиринина, как обилие вставных и ремарочных конструкций [4], а также об ономах, отсылающих к литературной традиции [12]. Другой, также носящей «книжный» характер, грамматической особенностью текстов, записанных от этого сказителя, является использование причастий.

О том, что причастия чужды разговорной речи, пишет Л. А. Булаховский [2: 234]. Об этом говорит и автор «Стилистики русского языка» И. Б. Голуб: «“Книжность” причастий объясняется их историей: они восходят к старославянскому языку и поэтому издавна были принадлежностью письменной речи» [3: 322].

В современном языке стилистическая маркированность причастий сохраняется, исключением можно считать краткие страдательные причастия прошедшего времени, которые активно используются в бытовой речи.

Нам известны лишь единичные работы, в которых исследователи языка русского устного народного творчества (в отличие от исследователей языка художественной литературы – см., например, монографию Н. В. Патроевой [11: 31–54]) обращали свое внимание на причастные формы в фольклорных текстах, однако изучался в основном язык былин. При этом было отмечено,

что причастные образования в эпических песнях используются относительно редко³, несмотря на то что жанр былин – жанр поэтический, а следовательно, имеющий строго заданную каноном форму – несколько ближе по языку к книжной речи. Жанр же народной сказки, язык которой прозаичен, а поэтому более свободен, менее выработан, чем в поэзии, «более совершенной и связанной традицией» [5: 17], более близок народно-бытовой обиходной речи, должен быть еще менее насыщен причастиями, чем язык былин. И это действительно так: например, в 143 волшебных сказках сборника А. Н. Афанасьева зафиксировано 3 598 предикатов, распространенных обстоятельствами места и времени, и лишь в 32 случаях сказуемые выражены краткими причастиями⁴ [15: 70, 73].

В сказках Ф. Н. Свиринина употребление причастных форм – явление довольно частое: в 13 текстах исследуемого сборника зафиксировано 176 причастных форм. В большинстве своем (133 словоупотребления) это, как и следовало ожидать, краткие причастия, выполняющие предикативную функцию и согласованные с подлежащим. Это страдательные формы прошедшего времени с суффиксами -Н- и -Т- (117 и 15 словоформ соответственно), с зависимыми компонентами и без них. Чаще всего (96 случаев) такие причастные формы используются со связкой «быть»:

От собора к моему дворцу чтобы был проведен такой же мост, как до государя, и от моего дворца к государю такой же (Мертвое кольцо, 29); *Платье тоже все было забрызгано от неприятельской крови* (Золотой заяц, 72) и пр.

Краткие причастия-предикаты без связки в сказках Ф. Н. Свиринина, как и в современном русском литературном языке, часто имеют перфектное значение, обозначая результат прошедшего действия, актуальный в настоящем:

Еще я хочу рассказать тайну: я околдован этим врагом, с которым ты будешь воевать (Золотой заяц, 72); *Утром проснулся Наплав-молодец, он увидел, что у него отрублены руки и ноги* (Наплав-молодец, 92) и пр.

Частью составного именного сказуемого в одном из примеров является также краткое страдательное причастие настоящего времени со связкой «быть»: *<Витязи повиновались Ивану и исполняли его приказы> Чтобы были любимы всем семейством с этим государством, с которым заключена дружба и братство* (Иван – медвежье ушко, 130).

Однако в «Избранных сказках Ф. Н. Свинарьшина» встречаются не только краткие причастные формы. Полные причастия выполняют в этих текстах разные синтаксические функции. В роли предиката (части составного именного сказуемого) в текстах сборника выступают причастия страдательного залога прошедшего времени с суффиксами **-НН-** и **-Т-**, действительного залога прошедшего времени с суффиксом **-ВШ-** и действительного залога настоящего времени с суффиксом **-ЮЩ-**, как со связкой, так и без нее:

Приготовь, чтобы через два дня весь зал был установленной столами и покрыт персидскими скатертями чудесной работы (Мертвое кольцо, 33); *А этот любовник, наклонив чуть не до пояса голову, печальный и уничтоженный в своем оскорблении* (Мертвое кольцо, 47); *Ты, государь, омманутый своей дочерью и осудивший меня безвинно* (Мертвое кольцо, 48); *Иван-царевич был, наоборот: был красив, поражающий красотой своей* (Золотой заяц, 51)

– 6 случаев.

Еще три причастия в «Избранных сказках Ф. Н. Свинарьшина» (формы страдательного залога настоящего и прошедшего времени и действительного залога настоящего времени) являются, по терминологии Г. А. Золотовой, «свободными синтаксемами» [6: 4–5], получившими в контексте предикативный статус: *Пусть бумага будет у его груди с надписью: «Обольщеный своей любовницей и любящий ю и опозоривший отца и мужа этой любовницы»* (Мертвое кольцо, 48). Объявление на груди осужденного на всеобщее порицание любовника функционально близко заголовкам, драматургическим ремаркам и экспозиционным предложениям текста.

Определениями в текстах сборника являются 34 причастные формы. В этой функции чаще всего выступают страдательные причастия прошедшего времени с суффиксами **-НН-** и **-Т-** (14 и 3 словоформы соответственно). Такие определения, кроме одного случая, расположены постпозитивно и чаще всего (13 из 16) распространены:

Иван-царевич остановил своего скакуна, так как поле было сражения чисто, вынял шелковый платок, подаренный царевной (Золотой заяц, 71); *Когда мы улетели надолго, он нашел винного волета, зарытого в наземе⁵, сел на корабль и уехал* (Винный волет, 108).

В одном из примеров в причастный оборот включена архаическая древнерусская форма творительного падежа множественного числа существительного «стол»: *Они зашли в гостиную, накрытую столы еды* (Царевна Светлана, 151). В 10 случаях в роли определений выступают действительные причастия прошедшего времени,

причем всегда постпозиционно и с зависимыми словами:

Тетенька, выслушай нас, твоего брата и зятя, осиротевшего от вашей племянницы, я прошу у вас вашей племянницы руки, соединиться на вечные узы (Мертвое кольцо, 50); *В этом полку, в котором выпала доля-счастье стречи вора, находился один солдат, еще недавно поступивший на службу* (Золотой заяц, 57).

В одном случае при препозитивном расположении определения относительно главного слова форма действительного причастия прошедшего времени употреблена вместо формы страдательного причастия прошедшего времени: *Дочь стояла с гордо и высоко поднявшей головой, смотрела надменно* (Мертвое кольцо, 47).

Действительные причастия настоящего времени в роли определений выступают в 6 примерах, они употребляются и препозитивно (3 случая), и постпозитивно, в основном с зависимыми словами:

Кошка и собака смотрели пожирающими глазами на это кольцо (Мертвое кольцо, 45); *Мы люди странствующие из далекой страны* (Золотой заяц, 61); *Когда Наплав-молодец дорогой шел, он увидел идущего странника навстречу ему* (Наплав-молодец, 94).

Один раз функцию определения выполняет страдательное причастие настоящего времени, стоящее в постпозиции и имеющее зависимые слова: *Слуги выняли из коляски, и он <Василий> пошел, сопровождаемой своими слугами, в собор* (Мертвое кольцо, 33).

Помимо собственно причастий, в «Избранных сказках Ф. Н. Свинарьшина» встречаются также субстантивированные и адъективированные причастия, а также причастия, входящие в состав фразеологических оборотов или их элементов. Субстантивация и адъективация причастий – процессы, зафиксированные еще в произведениях древнерусской письменности, когда нормы литературной речи только формировались. Несмотря на то что в современном русском языке субстантиваты и адъективаты функционируют в разных стилях, происхождение этих слов носит явно книжный характер. В исследуемых текстах достаточно много таких лексем, их употребление носит вполне традиционный характер. К субстантиватам (7) относятся, например, такие слова, как «служащие», «управляющий», «влюбленный», «приближенные», «погибший», «содержимое» и пр., причем большая часть существительных встречается в тексте одной и той же сказки:

<...> из солдат и служащих никто этих тропинок не знал (Золотой заяц, 58); *Управляющий взял этого солдата и увел на конюшню* (Золотой заяц, 63); *В это время*

царевна пошла задынм ходом предупредить своего возлюбленного о грозящей их опасности (Золотой заяц, 70).

Стоит отметить, что в этой сказке Ф. Н. Свинына литературное влияние – и на уровне поэтики (характеристики персонажей, отдельные эпизоды), и на языковом уровне (лексика высокого стиля, сложные и осложненные синтаксические конструкции) – выражено очень заметно.

К адъективатам, встречающимся в текстах «Избранных сказок» (12), относятся, например, такие прилагательные, как «назначенное» (время), «презренная» (тварь), «несказанная» (заслуга), «непрошеные» (гости), «поношенные» (башмаки), «неописуемая» (красота), «непроходимые» (болота), «цвятушие» (лета) и пр.:

<Василий> Положил часы против глаз и следил за стрелками, когда оне придут к назначенному время (Мертвое кольцо, 28); *Брат Петр, придя на паши, зайдя на возвышенное место, стал каравулить вора* (Золотой заяц, 53).

В четырех сказках («Золотой заяц», «Иванушка-дурачок», «Таинственные трубки», Марко богатый и Василий несчастный) анализируемого сборника встретились также 3 фразеологических оборота (5 употреблений), которые включают в свой состав причастные формы. Все фразеологизмы построены по одной и той же модели: «союз КАК + полное страдательное причастие прошедшего времени с суффиксом -НН-»: «как вкопанный», «как ужаленный», «как пригвожденный»⁶:

Он <заяц> не предвидел, что его караулят, стал как вкопанный от изумления (Золотой заяц, 54); *Сивка стала как вкопанная перед ним <Иваном>* (Иванушка-дурачок, 135); *Оне <мужики> скочили как ужаленные и начали одеваться* (Таинственные трубки, 166); *Когда <Марко богатый> пристал к берегу, хотел выйти, но остался на одном месте, как пригвожденный, не мог сдвинуться с места ни одного дюйма* (Марко богатый и Василий несчастный, 177).

Последнее из устойчивых сочетаний – «как пригвожденный» – до сих пор носит явно книжный характер: об этом говорят, например, обязательность его употребления в качестве сравнения и выделение на письме с помощью запятых.

Причастия в сказках Ф. Н. Свинына чаще всего используются для описания и характеристики неодушевленных предметов (столовой, мостовой, ковров, платьев, стен, кареты, колодцев, клетки и пр.), несколько реже – герояев-людей, и в единичных случаях – живот-

ных. Попытки Свинына описать элементы интерьера, а также дать персонажам сказки некоторую портретную и психологическую характеристику там, где в фольклорном тексте используются только традиционные формулы, также, на наш взгляд, свидетельствуют о явном влиянии на стиль сказителя литературной традиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ функционирования причастий в сказках Ф. Н. Свинына позволяет говорить о достаточно сильном влиянии книжной традиции на особенности идиолекта этого сказителя. Свинын старается подражать прочитанным текстам (прежде всего любовно-приключенческим романам и повестям) не только на уровне поэтики (например, из его сказок исчезают традиционные фольклорные повторы, формулы и, наоборот, в них появляются реалистические детали и характерные для литературы средства выразительности), но и на уровне грамматики. Наиболее подверженными влиянию оказываются волшебные сказки, сюжеты которых ближе романским, чем сюжетам бытовых сказок. Желание Свинына сказать «покрасивее, как в книге» ведет, в частности, к появлению в его речи большого, в сравнении с фольклорным каноном, количества разных причастных форм, которые употребляются достаточно грамотно. Так, диалектизмы типа *омманутый* (Мертвое кольцо, 48); *пошел, сопровождаемой* *своими* *слугами* (Мертвое кольцо, 33); *зал был уставленной* *столами* (Мертвое кольцо, 33), *осиротевшего* *от* *вашей* *племянницы* (Мертвое кольцо, 50) и некоторые другие, как и случаи инверсии (*идущего странника навстречу ему* (Наплав-молодец, 94)), встречаются у Ф. Н. Свинына нечасто, а зафиксированные в севернорусских говорах в качестве активных безлично-пассивные конструкции типа *У него уйдено* отсутствуют совершенно. Таким образом, сказитель, употребляя причастия, ориентируется в большей степени на книжную традицию, что, наряду с другими языковыми особенностями, формирует его неповторимый, «авторский» почерк.

Сказки Ф. Н. Свинына, на наш взгляд (и это подтверждается не только на уровне анализа поэтики, но и, что важно, на грамматическом языковом уровне), можно считать примером своеобразного перехода от традиционной, фольклорной, сказки к сказке нового времени – сказке литературной, авторской.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: [1], [16].

² См.: Избранные сказки Ф. Н. Свинына / Сост. О. Г. Больщакова и В. Р. Дмитриченко; Подгот. к публикации А. С. Лызловой. Петрозаводск: Изд-во ООО «Издат-Принт», 2016. 200 с. Этим изданием мы будем в дальнейшем пользоваться и на него ссылаться: после цитаты, выделенной курсивом, в круглых скобках указываются соответственно название текста и номер страницы, в случае необходимости для облегчения понимания смысла цитаты в косых скобках приводятся пояснения; причастные формы подчеркнуты.

³ См., например: [7], [10].

⁴ В целом для русской народной сказки характерно чаще всего глагольное (простое, усложненное и составное) сказуемое (См. об этом, например: [14: 555–556]).

⁵ «Назём» – «навоз» (См.: Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 19. Л.: Наука, 1983. С. 280).

⁶ «Как [будто, словно, точно] вкопанный – неподвижно замерев на месте (стоять, останавливаться и т. п.); «как [будто, словно, точно] ужаленный – стремительно (вскочил, выбежал и т. п.) – см.: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. Изд-е 2-е. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 70, 491; «как пригвожденный – в сравн.: словно «прикрепленный гвоздями к чему-л.; прибитый» – см.: Большой академический словарь русского языка / Под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда. Т. 20. М.; СПб.: Наука, 2012. С. 137.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Сказительский идиолект Т. Г. Рябинина (на материале слова-ря былинной лексики) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 19–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.396
- Булаховский Л. А. Исторический комментарий к литературному русскому языку: Пособие для студентов педвузов и ун-тов и для преподавателей средней школы. Киев, 1958. 488 с.
- Голуб И. Б. Стилистика русского языка. Изд-е 3-е, испр. М.: Рольф, 2001. 448 с.
- Дундукова А. М. Вставные и ремарочные конструкции в «Избранных сказках Ф. Н. Свинына» // Притяжение Севера: язык, литература, социум [в 2 ч.]: Материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 1. С. 602–607.
- Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 346 с.
- Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
- Кунавин Б. В. Синтаксис причастных форм в русских былинах // Язык русского фольклора: Межвузовский сб. Петрозаводск, 1988. С. 51–63.
- Лызлова А. С. Тезисы докладов конференции «Наивная литература. Шаг третий». Москва. РГГУ. 22 сентября. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivgi.rsuu.ru/article.html?id=2633085> (дата обращения 22.07.2020).
- Лызлова А. С. Поморский сказочник Ф. Н. Свинын: биографические сведения в материалах фольклорных коллекций НА КарНЦ РАН // Русский Север: Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию со дня рождения К. В. Чистова: Сб. науч. статей. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 155–164 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-332-3/978-5-88431-332-3_12.pdf (дата обращения 20.07.2020).
- Маркова Н. В. Предикативные причастия с суффиксами -Н-, -Т-, соотносительные с непереходными глаголами в онежских былинах // Язык и поэтика фольклора: Доклады Междунар. конф. 15–18 сентября 1999 г. Петрозаводск, 2001. С. 256–261.
- Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск, 2002. 334 с.
- Семенова О. В. Ономастикон сказок Ф. Н. Свинына // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 296–298.
- Тарланов З. К. Предисловие // Язык жанров русского фольклора: Межвузовский науч. сб. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1979. С. 3.
- Тарланов З. К. Язык русского фольклора как предмет лингвистического изучения // Избранные работы по языкоznанию и филологии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 530–563.
- Тищенко Н. В. Предикаты, распространяющиеся обстоятельствами места и времени в русской волшебной сказке // Язык русского фольклора: Межвузовский сб. Петрозаводск, 1985. С. 70–76.
- Холтобина А. С. Идиолектные наименования в былинных текстах Т. Г. Рябинина // Лингвофольклористика. 2015. Вып. 22. С. 22–31.

Angelina M. Dundukova, PhD in Philology, Petrozavodsk State University
 (Petrozavodsk, Russian Federation)
 gelya@onego.ru

Olga V. Semenova, PhD in Philology, Petrozavodsk State University
 (Petrozavodsk, Russian Federation)
 olsemenova@bk.ru

PARTICIPLES IN THE SELECTED FAIRY TALES BY F. N. SVINYIN (idiolect of the folklore text)*

The article continues and develops the study of the linguistic features of the *Selected Fairy Tales by F. N. Svinyin*, which were first published in 2016, but have not been thoroughly studied so far. The paper analyzes the influence of the “book” tradition on the formation of the Pomor storyteller’s idiolect. For the first time, the study is focused on the participial phrases actively used by Svinyin, but generally not typical for oral folk texts and therefore not addressed by linguo-folklorists. The article presents extensive linguistic material, including the cases of substantivization and adjectivization of participles, as well as their inclusion into the phraseological expressions. It is proved that the unique individual style of Svinyin, the bearer of the richest fairy tale telling tradition, was formed as a result of combining canonical folk material and book sources in his tales. The research materials show that F. N. Svinyin’s tales can be viewed as an example of the transition from a folk tale to a literary author’s tale, which manifests itself not only at the level of poetics, but also at the linguistic (namely grammatical) level.

Keywords: White Sea area, Fyodor Nikolaevich Svinyin, White Sea tales, participle, idiolect

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Project No 18-012-00810).

Cite this article as: Dundukova A. M., Semenova O. V. Participles in the *Selected Fairy Tales by F. N. Svinyin* (idiolect of the folklore text). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 30–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.536

REFERENCES

1. Bobunova M. A., Khrolenko A. T. Idiolect of a Russian storyteller Trofim Ryabinin (drawing on the lexical dictionary of Russian bylinas). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 19–25. (In Russ.) DOI: 10.15393/uchz.art.2019.396
2. Bulakhovskiy L. A. Historical commentary on the literary Russian language: Textbook for university students and secondary school teachers. Kiev, 1958. 488 p. (In Russ.)
3. Golub I. B. Stylistics of the Russian language. Moscow, 2001. 448 p. (In Russ.)
4. Dundukova A. M. Parenthetical and aside constructions in the *Selected Fairy Tales by F. N. Svinyin*. *Gravity of the North: Language, Literature, Society [in 2 parts]: Proceedings of the I international research and practice conference*. Petrozavodsk, 2018. Part 1. P. 602–607. (In Russ.)
5. Evgen’eva A. P. Essays on the language of Russian oral poetry recorded between the XVII and the XX centuries. Moscow, Leningrad, 1963. 346 p. (In Russ.)
6. Zolotova G. A. Syntactic dictionary: the fundamental units of Russian syntax. Moscow, 2006. 440 p. (In Russ.)
7. Kunavin B. V. The syntax of participial forms in Russian bylinas. *The language of Russian folklore: Interuniversity collection of articles*. Petrozavodsk, 1988. P. 51–63. (In Russ.)
8. Lyzlova A. S. Abstracts of the conference “Naive Literature. Step Three”. Moscow. Russian State University for the Humanities. September 22, 2014. Available at: <http://ivgi.rsu.ru/article.html?id=2633085> (accessed 22.07.2020). (In Russ.)
9. Lyzlova A. S. A Pomor storyteller F. N. Svinyin: biographical information in the materials of the folklore collections at the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Russian North: Identities, memory, biographical text. Commemorating the 95th birth anniversary of K. V. Chistov: Collection of articles*. St. Petersburg, 2017. P. 155–164. Available at: <http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-332-3> (accessed 20.07.2020). (In Russ.)
10. Markova N. V. Predicative participles with suffixes -H- and -T- correlating with intransitive verbs in Onega bylinas. *Language and Poetics of Folklore: Proceedings of international conference, September 15–18, 1999*. Petrozavodsk, 2001. P. 256–261. (In Russ.)
11. Patroeva N. V. Poetic syntax: category of complication. Petrozavodsk, 2002. 334 p. (In Russ.)
12. Semenova O. V. Onomasticon of F. N. Svinyin’s fairy tales. *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the IV international research conference*. Ekaterinburg, September 9–13, 2019. Ekaterinburg, 2019. P. 296–298. (In Russ.)
13. Tarlanov Z. K. Foreword. *The language of Russian folklore genres: Interuniversity collection of articles*. Petrozavodsk, 1979. P. 3. (In Russ.)
14. Tarlanov Z. K. Language of Russian folklore as a subject of linguistic study. *Selected works on linguistics and philology*. Petrozavodsk, 2005. P. 530–563. (In Russ.)
15. Tishchenko N. V. Predicates expanded by adverbial modifiers of place and time in Russian fairy tales. *Language of Russian folklore: Interuniversity collection of articles*. Petrozavodsk, 1985. P. 70–76. (In Russ.)
16. Kholotobina A. S. Idiolectic names in Trofim Ryabinin’s bylinas. *Linguofolkloristics*. 2015. Issue 22. P. 22–31. (In Russ.)

Received: 18 August, 2020